

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ всегда многогранен. Много раз посчастливилось мне не только видеть Майю Михайловну Плисецкую на сцене, но и бывать на репетициях, беседовать на самые разные, подчас далекие от искусства темы. Убежден: если бы стала она, скажем, медиком — то выдающимся, педагогом, журналистом — прекрасным. Это свойство богато одаренных природой натур — быть заметными в любом качестве. А то, что Плисецкая стала балериной, так это не столько ей, сколько всем нам повезло.

— Меня отдали в балет, — рассказывает она, — и мне ничего другого не оставалось, как работать. А вообще-то всю жизнь тянуло в драму. Был даже момент, когда я собиралась балет оставить. Рубен Николаевич Симонов звал в свой театр. Он до конца жизни повторял мне: «Ты загубила в себе прекрасную драматическую актрису». Но я уже окончила хореографическое училище, поступила в Большой театр, с первого сезона вошла в репертуар. А кто ж уходит из Большого?

Она еще училась, когда началась война. На фронт уходили родные, близкие. Проводила Майя и человека, к которому искренне была привязана: дядю, младшего брата отца — Владимира Плисецкого. Старые москвичи помнят еще, наверное, популярное «Трио Кастильно»: К. Шульженко, А. Ульянов и В. Плисецкий. Владимир пророчили большое будущее, но с первых дней он ушел на фронт добровольцем — и не вернулся. «Осталась у меня о нем светлая память, неизбывная скорбь и гордость», — задумчиво говорит она, чуть покачивая точеной головкой, — гордость за то, что в списках героев, отдавших жизнь за Родину, есть и имя родного, любимого человека.

А я вспоминаю, как однажды показала мне Майя Михайловна выцветшее от

времени командировочное предписание: «Предъявитель сего, балерина Плисецкая М. М. командирована в действующую армию сроком с 5 мая по 1 июля 1942 года».

Пройдут годы. Имя лауреата Ленинской премии народной артистки СССР Майи Плисецкой станет известно всему миру, ее назовут «суперзвездой танца», «королевой балета», «первой леди танцевального мира». Ей будут рукоплескать Париж, Рим, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес, Токио, Мадрид... И на самом пике оваций, в сиянии ламп чемпионов, ей будет вспоминаться тусклая подсветка лупы, доски сдвинутых грузовиков, с откинутыми бортами, бойцы, старательно хлопавшие ей, положив на колени автоматы со снаряженными дисками. В том году она окончила хореографическое училище.

А в сорок четвертом в Большом состоялась премьера «Щелкунчика» с Машей — Плисецкой. В газетах шли восторженные рецензии, а почтовый ящик наполнился письмами, и было среди них множество фронтовых «треугольников». Оказывается, людям в окопах совсем небезразличны были новости столичного балета. Ответить каждому не было никакой возможности, и она обратилась к воинам с открытым письмом по радио:

«...Пусть все знают, что такой народ, как наш, нельзя никому поработить. Я знаю, что наша долговая победа не за горами. Я верю бойцам Красной Армии».

А где, скажите, подсмотрела она свою Фригю — образ жены легендарного Спартака в одноименном балете Хачатуряна, ее суровую и достоверную правду? В трагических фризах эллинских и римских храмов? В литературе? Да, конечно, но только больше всего пришлось от русских солдаток.

— Поезд набирает ход, увозя на фронт мужей, сыновей, отцов, любимых. Женщины рыдают, осыпая войну проклятиями. Никогда этого

не забуду, и пусть такое никогда не повторится!

ОБ ИСКУССТВЕ Майи Плисецкой рассказывать трудно. Тот, кто видел ее на сцене, подтвердит: здесь любые сравнения и эпитеты кажутся плоскими и скучными. Плисецкая — из тех немногих балерин, что сами творят историю балета, чей та-

нец стремится обогнать время. Почти все ее героини не только и не столько романтические, сколько дерзки и бесстрашны. Они славят жизнь, доказывают право личности оставаться собой, не покоряясь обстоятельствам.

— Все человечески значительное, глубокое по мысли, искреннее по чувству — будь то вымысел или реальность, наша современность или отдаленное прошлое — все доступно балету, его музыке, его пластике, — утверждает она.

И действительно: самый смелый эксперимент и глубочайшая верность традициям для Плисецкой не взаимоисключающие вещи, а явления одного порядка. Она понимает традицию в ее диалектике — не останавливаясь в поиске, идти дальше учителей, смело разрушать привычные представления о роли танца, раздвигая жанровые границы балета.

— Я всегда была непокор-

ной. Мне говорят, что это танцевать нельзя, а я именно это и танцую. Вот у моего «Лебедя» голова и руки — назад устремлены. Потому, что у Анны Павловой все — вперед. Когда мы замахнулись ставить «Анну Каренину», нашлось множество тех, кто даже слушать о ней не хотел. Ничего, привыкли!..

Встречи по вашей просьбе

Майя ПЛИСЕЦКАЯ:

Балету доступно все!

Ненавижу подражателей, ненавижу подражать. Как говорил Дебюсси: избавь меня, боже, от дебиссистов.

Учеба — иное дело. Когда читаю Пушкина, Толстого, Чехова, Достоевского, Мери-ме, всегда превращаюсь в прилежную ученицу. Не для того, чтобы заучить урок, а чтобы подчинить себя художнику, максимално настроиться на его волну. Ведь по-настоящему творить можно только тогда, когда проникнешься самим духом произведения.

— Майя Михайловна, кто бы что ни говорил о труде артиста, но я был на ваших репетициях. Какая же тяжелая работа этот изящный, полетный, воздушный балет!

— А любая профессия легка, если работать спустя рукава. И любая — трудна, если работать хорошо. Утверждаю — любая. Хорошо танцевать невероятно трудно. А быть хорошим инженером,

хлеборобом, офицером, наконец, — легко?

— Ну а не надоедает из года в год танцевать ту же партию?

— Честно? Надоедает! Я перетанцевала практически все, что хотела. Но и самые замечательные балеты порой приедались, даже «Лебединое озеро». Тогда я старалась ли-

ей работе мне самой не нравиться, никакой авторитет мне обратного не докажет. Без взыскательности к себе не может быть хорошего артиста. Нужно уметь смотреть на себя со стороны и при этом фанатично быть преданным своему делу. Тогда будет толк.

Когда зал полон, я чувствую, словно меня рентгеном просвечивают. И выступать «так себе» не могу. В балете ведь каждый день надо доказывать, кто есть кто. И чем больше похвал, тем к большому они обязывают.

— В последнее время у вас появилась новая привязанность: кино, телевидение. Авторы писем в редакцию офицеры-дальневосточники В. Колесник и А. Страхицкий спрашивают: чем это объяснить?

— Скажите, многие ли могут побывать в Большом театре? Вот и письма, которые вы мне показали, — об этом. А хочется, чтобы люди видели тебя, твою работу. Для кого же, как не для них, мы танцуем? Кроме того, ведь это единственная возможность сохранить, зафиксировать то, чего мы достигаем. Раньше не было таких возможностей, и сколько уникальных жемчужин русского балета мы не можем увидеть...

— И что вы чувствуете, когда видите себя на экране?

— Острое желание все или почти все переделать!

— А как вы стали балетмейстером-постановщиком?

— Как-то само собой получилось. Я с детства любила импровизировать. Сначала делала это интуитивно, потом осознанно, соотнося своему восприятию музыки.

Майя Михайловна разводит руками: действительно, как человек приходит к тому, чтобы высказать все, что накопилось в душе? Просто возникает такая потребность. Нет, так, пожалуй, можно завести разговор в глубокие дебри. Переключаюсь на другую тему:

— Майя Михайловна, да-

вайте расскажем читателям, чем занята Плисецкая в свободное время.

— Свободное от чего? От балета? У меня такого не бывает. Эта «сладкая мука» всегда при мне. Танец — мое слово, моя любовь, моя жизнь, способ моего существования. Ну а увлекаюсь... Музыкой, живописью, литературой. Люблю путешествовать. Страстная болельщица. Правда! «Болсю» за хоккеистов ЦСКА...

— Майя Михайловна, как вы думаете — существует взаимное влияние балета и спорта?

— Безусловно. Артистизм, балетная филигранность пришли во многие виды спорта. А балет, благодаря ему, стал несравненно техничнее. Здесь прогресс колоссален. Такой сильной техники, особенно мужской, у нас еще никогда не было.

У ПЛИСЕЦКОЙ не бывает праздников, будней, а лишь каждодневный, приносящий радость, но очень легкий труд. Есть ли, нет ли сегодня спектакля — все равно есть репетиция, класс. У этой крупной женщины — колоссальная воля и необыкновенное упорство. Если вдуматься, ее жизнь — урок малодушным, укор колеблющимся. Сколько наших замыслов порой не реализуется только потому, что кому-то там они могут показаться нереальными, сколько позиций загодя сдается без боя потому, что они наперед кажутся проигранными! Плисецкая никогда не отступала от намеченного — поэтому и всегда или почти всегда побеждала. И ее талант, ее целеустремленность, ее художническая позиция по достоинству оценены Родиной. И, поздравляя замечательную артистку с юбилеем, присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда, мы от души желаем ей новых взлетов в ее творчестве, устремленном далеко в будущее.

Майор
М. ЗАХАРЧУК.